

A surreal movie poster featuring a woman from the chest up, wearing a blue and white horizontally striped long-sleeved shirt and a dark skirt. Her hands are clasped in front of her. Instead of a chest, there is a square window with open shutters. Inside the window, a small house is engulfed in bright orange and red flames. The background is a dark, moody landscape with a body of water, silhouetted trees, and a large, pale full moon in a cloudy night sky.

ДАРЬЯ ДЕЗОМБРЕ

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ

ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ВЫЖИТЬ – РАЗЛЮБИТЬ.

Дарья Дезомбре
Дом, милый дом
Серия «Дезомбре Дарья.
Интеллектуальный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74624406

Д. Дезомбре. Дом, милый дом: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2026

ISBN 978-5-04-255725-5

Аннотация

Самые опасные иллюзии – те, которые мы выбираем сами. И у каждой из них есть цена. Иногда – собственная жизнь.

Заботливая мать. Влюблённый жених. Участливый врач. Преданная невестка. Никому из них нельзя доверять до конца. А самые трагические истории часто происходят в обычных, казалось бы, декорациях: дачный участок, палата дома престарелых, малогабаритная квартира. Обоняние, чувствующее ложь и приближение смерти. «Умный дом», который мстит за хозяйку. Детский рисунок, что помнит больше, чем говорит... Так правда настигает нас через несущественную деталь и разрушает навсегда.

Девять историй в жанре психологического триллера о том, как легко перепутать жертву с палачом, если оба сидят с тобой за одним столом.

Содержание

Дом, милый дом

6

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Дарья Дезомбре

Дом, милый дом

© Фоминых Д. В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Дом, милый дом

31 августа

Доктор Соколовская наказала мне каждый день писать дневник. Говорит, это поможет фиксировать факты и моменты жизни. Но предупреждает: чрезмерно увлекаться перепроверкой событий в своей памяти не стоит – того и гляди увеличится тревожность и возникнут сомнения в реальности. Ха-ха... Сомнения в реальности... Моя реальность такова, что сомневаться в ней – одно удовольствие. Вся моя жизнь последнее время – про то, насколько реальность не соответствует нашим о ней представлениям. Это же удивительно. Все не так, как кажется, все – сплошная матрица.

2 сентября

Решила написать психотерапевту, что не могу продолжать наши встречи. Нет денег. Деньги – это железобетонный аргумент. На самом деле деньги (в отличие от мозгов) у меня еще имеются, пусть их и осталось мало. Дело в другом: я знаю, она не одобрит того, что я собираюсь сделать, начнет меня отговаривать. Так и вижу ее, серьезную донельзя, в кресле напротив: «Вы застреваете в травматичном паттерне, Лиза! И вся терапия насмарку». Ну, не вся. Вот, например, дневник. Его я продолжу вести. В честь докторов Юнга и Фрейда. И доктора Соколовской. Да и просто – чтобы иногда прове-

рять, до какой степени сошла с ума.

5 сентября

Как я и подозревала, с наступлением осени цены на съем резко упали. Мне достался отличный теплый дом с удобствами. Я сказала хозяйке, что буду платить понедельно. Неизвестно же, насколько я проникнусь деревенской жизнью. Пока мне нравится. В саду потихоньку догнивают августовские астры. Если выйти с дачи и пойти в сторону озера, то вскоре старая песчаная дорога пересечется с новой асфальтовой.

А оттуда уже рукой подать до элитного поселка «Озерный рай» с бдящим на воротах охранником Сережей. Его мы беспокоить не станем, все-таки Андрей не зря выбил нам самый престижный «двойной» участок с краю. По выступающим на полметра от берега корням можно обогнуть стену и пробраться на территорию. Жаль, сентябрьский дождь льет уже неделю – никаких тебе надежд на бабье лето, – корни стали склизкими, не хватало еще сверзиться в воду и потонуть от стыда на озерном мелководье... Я хватаюсь за ветви, иглы царапают руки, и, наконец благополучно перебравшись на ту сторону, выдыхаю.

Вот я и дома.

9 сентября

Следить за кем-то не так уж и сложно. В высоких стеклянных стенах дома отражается лес – при определенном освеще-

щении он становится зеркалом, умножает сосновые стволы и небо, растворяется в пространстве. Его нет – и меня будто нет. Но он есть – и я есть, просто скрючилась в глухих жасминовых зарослях. Сразу за кустами раньше торчало засохшее дерево. Оно загораживало вид на озеро, и я приказала садовнику его спилить. А вот пенек выкорчевать не успела. Теперь он служит мне идеальным опорным пунктом.

Видела бы меня сейчас моя психотерапевт: новые сапоги и рюкзак с термосом и бутербродами, непромокаемая куртка цвета хаки. Я окончательно мимикрирую под пейзаж. Ближе к вечеру свет перестает отражаться в прозрачных стенах – и дом выступает из небытия, будто проявляется в сумерках. Через прореху в ветвях становятся видны его внутренности – люстра яркого муранского стекла над простым, с виду деревенским, а на самом деле дизайнерским столом. Идеально чистая открытая кухня. Дважды в неделю сюда приходит для уборки женщина с тяжелым лицом. Очевидно, Полина (заставляю я себя артикулировать ненавистное имя, ее зовут Полина) не признает тряпок и пылесосов. И правильно делает. Слышится пиканье ворот. Это с другой стороны дома въезжает в гараж муж Полины. Сейчас она спустится встретить его... Еще пара минут – и вот они входят в столовую. Одной рукой он прижимает ее к себе, другой ставит на стол крафтовый пакет из ресторана (готовить Полина тоже не любит). Они смеются, вместе раскладывают еду по тарелкам, он достает бутылку вина, они садятся на барные стулья вокруг

кухонного островка. Она кормит его какой-то экзотикой с палочек. Он целует ее, пригубив вина. На меня начинается капать. Жаль, что я не могу слышать, о чем они говорят, но их смех и расслабленные позы очень красноречивы.

Внезапно он встает и подходит к окну. Я сжимаюсь, смешиваюсь с тенью, забываю дышать. Что-то почувствовал? Да нет, просто не любит темноту за окном. Медленно, как театральный занавес, закрываются бежевые шторы. Я выдыхаю, смахиваю с ледяного носа дождевую каплю.

Спектакль окончен.

10 сентября

Конечно, я простыла. Там, рядом с домом, я забываю и о ледяных ногах, и о мокрых штанах. Но на следующее утро тело мстит мне – все болит, меня то и дело сотрясает озноб. Лечиться мне тут нечем – разве что горячим чаем с лимоном, в который я понемногу добавляю дешевый коньяк из ближайшего супермаркета. С коньяком болеть не так грустно, но то и дело, выныривая из ватной пустоты между сном и бодрствованием, я проверяю мое любимое приложение.

Котел включен: 06:43 рт, главная дверь открыта пользователем admin, порог влажности в ванной превышен. Вентиляция включена.

Для кого-то это просто набор технической информации. Но не для меня. Я шепчу: он сегодня вернулся рано. Видно, торопился к возлюбленной. Кто-то стоял под душем. Он

принимает его по утрам. Значит, Полина. Выходит из ванной комнаты, завернувшись лишь в полотенце, темные влажные волосы рассыпаны по спине...

Я отбрасываю телефон. Дура! Тебе бы писать эротические романы. Впрочем, что я знаю об эротике? Полинин муж был моим первым и последним мужчиной.

11 сентября

Когда мне было двадцать, папа умер, в одночасье. Все говорили – какая легкая, быстрая смерть. Повезло! Ну, это как сказать. Прах пришлось забирать мне, мама после похорон впала в подобие кататонии и едва реагировала на внешний мир. Я взяла с собой крепкий полиэтиленовый пакет из супермаркета. И одноклассника Андрея. Он хотел позвать девушку в кино, но у девушки, ха-ха, были другие планы на вечер. Помню, как невыносимо долго мы сидели в ожидании урны в мрачном коридоре крематория. А на обратном пути маршрутки все не было, Андрей снимал с меня по очереди то один, то другой сапог, растирал оледеневшие ступни. И все равно мы вернулись домой замерзшие, как цуцки. Оставив пакет с прахом отца на полу в прихожей, он побежал набирать мне ванну, вымыл меня там, как ребенка. Я не сопротивлялась – на стыд уже не оставалось душевных сил. Когда я засыпала, подоткнул одеяло вокруг и признался в любви.

12 сентября

Что-то мне совсем нехорошо. Бьюсь в кашле, как эпилептик. Но сил вставать и снова греть чайник нет. Просто долью себе в чашку коньяка. Так вот. Первые годы брака муж был для меня «опекающей родительской фигурой». Жаль, что тогда рядом со мной не оказалось доктора Соколовской, чтобы объяснить: взрослый мужчина не может испытывать к взрослой женщине безусловной любви. На это способны лишь родители – к детям. Да и то не все.

Так каковы же были условия? – спрашиваю я себя. И сама же отвечаю. Все просто: раньше он был молод и беден, заперт в своем техническом вузе, как в монастыре. Я казалась ему красавицей, хотя бы за отсутствием выбора. А потом он вышел в большой мир с настоящими красавицами и сам стал богачом – а значит, с доступом к намного более привлекательному, чем стареющая жена, ресурсу.

Я, кряхтя, тянусь за отброшенным телефоном, чтобы поставить заряжаться. И не выдерживаю – вновь вхожу в приложение.

Свет в гостиной выключен: 23:11. Температура в спальне: 18.2°C – обогрев отключен.

Значит, он все еще спит в холоде, как я приучила. «Тебе тоже придется привыкать, дорогая Поля, – шепчу я. – А если замерзнешь – прижмись к нему покрепче».

18 сентября

Сегодня я решила съездить в город. Во-первых, проверить

квартиру. Во-вторых, так получилось. Ладно, признаюсь. Я собиралась затовариться в ближайшем к поселку большом супермаркете, но уже на шоссе заметила голубую машинку-мини. Номер 777. Стильное авто для стильной девушки, не обремененной детьми. Дорогой подарок. Впрочем, он вообще у меня не жадный. Сейф в нашей городской квартире едва вмещает бархатные футляры. В основном антиквариат. Раньше Андрей развлекался европейскими аукционами, на которых обедневшая ноблесс¹ распродала семейные реликвии. Браслеты, серьги, броши. Предпочитал стиль ардеко – черная эмаль, россыпь бриллиантов, гравированные изумруды.

– Сейчас разве так умеют? – Он торжественно вручал мне очередной презент. Подруги – тогда у меня еще были подруги – завистливо цокали языком, передавали из рук в руки тяжелых пантер и жар-птиц. Сумасшедшая красота!

– Вот! – торжествуя восклицал он, когда браслет или брошь, сделав полный круг, оказывались вновь в его руках. – А Лизе не нравится!

Все поворачивали ко мне шокированные лица, и мне приходилось с извиняющейся улыбкой раз за разом пояснять, что мой стиль жизни совершенно не предполагает ношение пантер чаще одного раза в год. Что тяжелые серьги оттягивают уши и у меня начинает болеть голова. А броши носит Мадлен Олбрайт, а я – нет. Я люблю серебро, которое мо-

¹ Ноблесс (от *фр. noblesse*) – «дворянство», «знать», «аристократия».

гу таскать каждый день, мыть в нем посуду и готовить еду, не переживая, если потеряю. Но стоило мне заикнуться об этом, как лицо у Андрея вытягивалось, а на лицах подружек читалось: неблагодарная ты тварь.

18 сентября, вечер

Все-таки однажды подруга меня защитила. Мы как раз съездили на Рождество на Мальдивы. Андрей демонстрировал гостям фото на телефоне – разноцветные рыбы в воде, огромные рыбы на гриле, йога на закате, личный бассейн при бунгало...

Не реагируя на охи и ахи, я молча собирала со стола грязную посуду. Я в тот год мечтала поехать к сыну в Англию. Андрей настоял на его обучении в закрытом частном пансионе: ребенку все самое лучшее. «Его ждут Кембридж и Оксфорд, черт возьми! Оторви уже парня от своей юбки, не будь эгоисткой, Лиза!» А я знала, что мой Колька чувствовал себя там очень одиноко, и мечтала просто обнять его. Просто прижать к себе и попытаться наплатить своим теплом на ближайшие полгода. До летних каникул. Но нет. Мне достались дайвинг и волшебный загар. И алкоголь каждый вечер, чтобы смириться с разочарованием.

Андрей тогда заметил, смеясь: вот, полюбуйтесь, везу ее на Мальдивы, а она еще и недовольна! Нет, ну кому рассказать! Машка в этот момент повернулась к нему, отодвинув телефон с красивыми фото, – Машка, нищая некраси-

вая Машка, ушедшая преподавать после окончания вуза информатику в школу! – и спросила: «Так зачем ты повез ее на Мальдивы, если она хотела к Кольке?» За столом наступило молчание: то самое, неловкое. Андрей не проронил ни слова, а после ужина сказал, что зависть – плохое чувство. «Машке-то твоей ни Мальдивы, ни пансион для детей в Англии... да что там – дети как таковые при ее внешности не светят...» И с тех пор мы Машку в гости не приглашали. Дружба наша умерла.

И прошло еще десять лет, прежде чем сдох и мой брак.

19 сентября

Вчера, увлекшись воспоминаниями, я не успела рассказать про Полину. Я последовала за ней до центра города, а точнее – до турагентства «Посейдон». Полина не оставила свою работу, молодец. Тем более что именно там она и нашла свое счастье. А мой Андрей – всем довольную молодую жену. Но не суть важно. Минут через десять – я как раз размышляла, куда поехать: сразу домой или закупиться в супермаркет? – Поля вышла из офиса и прошлась до кафе в конце улицы. Делать мне было особенно нечего... Короче, какого черта я оправдываюсь в собственном дневнике? Просто, когда привыкаешь шпионить, уже не остановиться.

...Кафе показалось мне замызганным для такой шикарной барышни, как Поля. Полуподвальным. Это, собственно, и позволило мне разглядеть ее через окошко рядом с инте-

ресным молодым человеком. Они не целовались и не обнимались, ничего такого – просто разговаривали, перед ними лежали какие-то чертежи формата А3. Полина что-то говорила, а парень записывал за ней в телефон. Я подумала о деловой встрече, а он вдруг – раз! – и накрыл своей ладонью ее руку с новеньким обручальным кольцом. И я – идиотка! – вроде как постеснялась смотреть дальше, почти бегом села в машину и рванула с места. Почему, спрашивается, я вдруг так смутилась? Она же не стеснялась спать с моим мужем. И вот теперь мучаюсь: что это был за жест? Интимный? Успокаивающий? Дружеский? Может, Полина тайно влюблена? Может, она бросит моего мужа и найдет себе своего? А мой вернется ко мне, как не подошедшая вещица в интернет-магазин?

Мне так стыдно за свои нелепые мечты, что я открываю бутылку красного и наливаю его в дорожный тонкостенный бокал – у нас таких ровно шесть. Очевидно, инвестируя в винную тару, мой муж посчитал, что истинных афисионадо у нас дома больше шести не соберется. Я пью один бокал, потом второй, третий. Приканчиваю бутылку. Мне становится почти хорошо. Падаю на диван в гостиной и не выдерживаю: вновь заглядываю в приложение.

Режим «Ужин вдвоем» включен.

Этот режим, как и все в моем доме, я придумала сама. Приглушенный интимный свет, негромкая джазовая музыка из моего плейлиста, повышенная температура на кухне...

Им хорошо. Они живут в созданной мной атмосфере комфорта и счастья, даже не задумываясь об этом. И, пьяно икнув, я мстительно отключаю режим.

20 сентября

Уфф... Еле-еле, держась за стеночки, добрела до кухни. Едва слышным шепотом заказала себе доставку и приняла «Алказельцер». Плохо, что мой стареющий организм уже с трудом воспринимает алкоголь. Хорошо, рядом нет Андрея, чтобы указать мне, что нельзя так издеваться над собой: чай, не девочка. Могу только представить, как тяжело ему было, бедняжке, ежедневно сравнивать меня с юной любовницей. Впрочем, если начать вспоминать, то все наше семейное житье можно описать синусоидой от «сними мини, а то на тебя все пялятся», до «зачем ты покупаешь короткое, ты уже не в том возрасте».

Выходит, возраст мой всегда был не тот – сначала как у объекта флирта, потом – как у объекта жалости. Иногда, когда я особенно скучаю по своей прошлой жизни, я залезаю в историю фотографий на телефоне – самым давним снимкам уже лет пятнадцать – и с удивлением обнаруживаю вполне симпатичную женщину. Она, может быть, и не похожа на модель – после двух беременностей-то! – но вполне могла бы носить открытые платья.

А еще я вспоминаю, как каждый раз содрогалась в ответ на его добродушное подтрунивание, все эти сюсюкающие

прозвища: «ты ж моя сладкая булочка», «пышечка моя». Почему я сразу не сказала, как их ненавижу? Потому что меня бы опять попросили не «нагнетать» и не делать из мухи слона. А если бы я настояла, что для меня это именно «слон», кому бы от этого было хорошо? Мне первой и стало бы плохо. Ведь не в пышечке же дело, право слово. А в чем-то другом, что я сейчас только нащупываю. Во мне растет злость, я залпом допиваю воду с «Алказельцером» и не выдерживаю: снова захожу в приложение.

Стираю свой любимый плейлист, который продолжает играть для них каждый вечер. Но и на этом не успокаиваюсь: меняю мой сценарий «Спокойной ночи». Обычно он активируется в 23:15: свет приглушен, отопление понижено, сигнализация активна. Давай-ка теперь так: пусть свет зажжется ровно в полночь, да поярче. И телевизор – сейчас он работает на минимуме звука: режим «Фон», а мы добавим громкости. Я тыкаю в +, добравшись до отметки 25.

Послушайте последние новости, ребята. Будет что обсудить в постели. Не только же трахаться, правда?

21 сентября

Подскочила в кровати – еще и семи не было. Не сразу вспомнила, в чем дело, а когда вспомнила, расстроилась. На сердце тяжело – чувствую себя виноватой. Как всегда. И жду, и боюсь телефонного звонка. Но больше боюсь. Чтобы обмануть нервяк, пошла убирать следы позавчерашней пьянки и

вчерашнего похмелья. Мыть вручную дорогушие тонкостенные бокалы – такие не влезают в посудомойку, но Андрея это, естественно, не волновало. Выбрасывать картонные коробки от роллов, вытирать стол. Раз уж начала, помыла и пол на кухне, пропылесосила обе комнаты. Ненавижу этот модный дизайн в нашей питерской квартире – освобожденный от штукатурки кирпич выкрашен темной, почти черной краской. Вопрос: что было в голове у дизайнера, который сделал такой проект в городе, где триста дней в году идет дождь? Рядом с неровной матовой поверхностью кирпича – модные стальные панели. На них постоянно остаются отпечатки пальцев. Вот и теперь я на всякий случай их протираю, хотя еще ни разу не включила плиту и не готовила себе даже яичницу. Кстати, восемь лет назад наша квартира появилась в журнале «Дизайн и архитектура». Андрей купил аж двадцать экземпляров – раздавать партнерам и приятелям.

Тяжесть на сердце не проходит, мешает дышать. Я беспомощно оглядываюсь по сторонам: что еще можно исправить? Будто он, как обычно, вернется сюда вечером и надо быть начеку.

К примеру: шторы в нашей спальне на южной стороне – он не разрешал раздвигать их летом, в комнате становилось слишком душно. Но моим гибискусам и цитрусовым на подоконнике нужен свет. Поэтому, пока Андрея не было, я потихоньку открывала занавески, а параллельно, чтобы обмануть жару, включала кондей.

А еще моя покойная кошка обожала плескаться в умы-
вальнике. В присутствии Андрея ей это было строжайше за-
прещено. «Нечего, – орал он, – устраивать потоп вокруг ра-
ковины и на полу!» Но мы с Симой хитрили – она резвилась
ближе к обеду, мне не сложно было за ней подтереть. А перед
мужниным приходом еще раз пройтись по квартире, чтобы
точно быть уверенной: кухня в порядке, мои сладости спря-
таны (Андрей уже давно был на ПП и мог запросто выкинуть
найденные конфеты или пирожные в мусорное ведро), што-
ры плотно задернуты, пол в ванной идеально чист и сух. Си-
ма невинно вылизывает себя в углу. Я ей заговорщицки улы-
балась: тайная жизнь домашних животных, где мы с кошкой
находимся примерно на одном уровне. Невидимы.

Я быстро прохожу мимо зеркала, успев отметить гнездо у
себя на голове и замызганный халат – да и какая разница?
Ведь, судя по отсутствию звонка от бывшего мужа, я даже
сейчас – несмотря на партизанскую войну через приложение
– остаюсь невидимкой.

– Черт бы тебя побрал! – говорю я вслух. – Его уже тут
нет. А ты – есть, и еще отражаешься в зеркалах, пусть даже
и не в лучшем виде!

Я распахиваю в квартире все шторы, хмурюсь на черную
стену: завтра же схожу за краской и перекрашу ее в кремо-
вый. Наливаю себе в огромную чашку чай и иду с ней на ди-
ван в гостиную, кладу тарелку с пирожными себе на грудь.
Передо мной ноутбук с новым сериалом: центральный пер-

сонаж – неброская девушка из норвежской глубинки – расследует череду загадочных убийств. Но на середине второй серии тревога становится невыносимой. Мне необходима новая доза – прости меня, доктор Соколовская! Я держу телефон на отлете и краем глаза отслеживаю изменения в доме. Температура в комнатах, статус дверей и окон. Странно – свет в ванной включен, хотя Полине давно пора бы укатить трудиться в «Посейдон». Я отодвигаю ноут, уже не делая вид, что содержание телефона интересует меня меньше норвежских приключений.

Так-так, что тут у нас?.. Входная дверь была открыта дважды. Первый раз утром – явно чтобы выпустить Андрея. А вот второй – уже около одиннадцати дня. При этом свет не выключен, дверь гаража не активирована. Значит, это не новая хозяйка ушла из дома. Это к ней пришли гости. Время, прямо скажем, для визита необычное. Я чертыхнулась – как жаль, что я в Питере, а не в своей засаде на пенечке! Как жаль, что в доме нет камер – хотя, может, и слава богу, что их нет. Страшно подумать, сколько часов я провела бы перед мучительным для меня «кино». И тут вспомнила – бинго! В нашем коттеджном поселке на входе таки имеются камеры: как раз над головой равнодушного Сереги-охранника! Любой, кто хочет заявиться в «Озерный рай», проезжает мимо. Где-то тут была вкладка «въезд-шлагбаум»...

Утром визитеров мало, и я сразу вижу его – серый «БМВ». Вряд ли на такой тачке прибыл почтальон или обслуживаю-

щий персонал. Однако лобовое стекло отсвечивает и человека за рулем не видно. Я чертыхаюсь, смотрю время: гость в доме уже часа два, того и гляди его пригласят на обед... Мне тоже пора подкрепиться чем-то, кроме пирожных. Пока я кипячу воду, жду, когда всплывут пельмени, и ставлю себе на грудь очередную тарелку с недietetической жратвой, в приложении наконец снова появляется строчка – входная дверь открыта. Я замираю, ожидая снимка с камеры... и разочарованно выдыхаю: да, абрис головы явно мужской, вполне схож с тем типом из кафе, но деталей лица не разглядеть. Зато...

Зато, увеличив изображение машины, мне удастся различить автомобильный номер. А 128 ВС 78. Нынче узнать личность владельца уже не так просто, как раньше. Но я узнаю. Обещаю тебе, дружок.

23 сентября

Опять наклюкалась. Забыла тут написать: мой муж – широкая натура – оставил мне вместе с квартирой вместительный винный шкаф на пятьдесят бутылок. Каждый раз, когда я приезжаю в город, шкаф становится чуть более просторным. Конечно, можно было бы заменить алкоголь на антидепрессанты – привет вам, доктор Соколовская, где-то у меня даже валяется ваш рецепт. Но я настолько перестала доверять себе, что просто побоюсь заглушать боль таблетками. В конце концов, мы русские люди. Так пусть сознание мне туманит не химия, а добрый старый алкоголь.

– Но как было не выпить? – спрашиваю я собственную отекающую, зареванную харю в зеркале.

Я уверена – он приезжал к ней. Тот тип, из кафе. Оставался пару часов. Достаточно, чтобы насладиться друг другом. А может, и недостаточно. Что я в этом понимаю? Почему-то осознание, что моему прекрасному, умному, щедрому мужу изменяет его свежая во всех смыслах супруга, вместо ожидаемого злорадства ввело меня в еще в большую тоску. И вот пожалуйста: еще полбутылки коллекционного бургундского – и мне уже кажется блестящей идеей вставить в плейлист режима «Ужин» песню «Неверная». Интересно, как у Полины с языками? Хотя она же новое поколение, они все умеют по-англицки. Чего я ждала? Что неожиданно заоравшая из динамиков в гостиной Рианна пробудит в ней совесть? И она признается Андрею, что любит другого? А он уж, в свою очередь, наберет меня и скажет: я ошибся, прости? А я скажу: ерунда, с кем не бывает, милый? Возвращайся-ка обратно к своей верной пышечке?

...А он и правда позвонил. И на мое дрожащее «Алло» начал орать: «Ты совсем больная?! (далее непечатно) Не смей лезть в нашу жизнь!» А на мои попытки, заикаясь, объяснить, что я видела его Полину с любовником – тишина, еще страшнее ора. И потом, устало: «Господи, ты и правда рехнулась! Это электрик! Поля почувствовала изменение в температуре – вызвала ее подправить». Он бросил трубку. Я сидела, все еще прижимая обжигающе горячий телефон к

уху. В голове гудело от его ора и от унижения, горло предательски сжалось, и вот пожалуйста – я снова реву белугой.

Пьяная, жирная, страшная, старая. Но я и сама это давно знаю.

26 сентября

В первый год после универа, когда мой муж еще обожал меня и ухаживал за мной, беременной, как за царицей Савской, мы сочинили его бизнес. Идея пришла мне в голову во время нашего свадебного путешествия «галопом по Европам». Там в то время только появились солнечные батареи. Стало ясно, что за ними большое будущее. Помню, как, едва замечая обязательные музеи и архитектуру, мы каждый день обсуждали наши опции, прикидывали возможности. Ночами я просыпалась, расталкивала Андрея рядом: мне приходили все новые мысли, я боялась забыть их к утру. Мы спорили, ругались, но это было совсем не обидно – напротив, мы становились командой. Это я придумала название «Солнечный ветер». Придумала взять под производство в аренду цеха химкобината в Сибири. Пилотные серии были выполнены именно там. С ними мы зашли в Азию. Да. С маленькой Катькой я еще могла на равных следить за обвалом цен на поликремний в 2009 году, вместе думать над реструктуризацией... Но скоро родился Коля, и он стал приоритетом.

Поначалу муж еще спрашивал моего мнения, но сыночек каждую ночь с диким ревом выблевывал на меня содержи-

мое своих рожков с молоком, я по часу укачивала его, а после ползала по полу и убиралась. Господи, какая, к лешему, фабрика модулей, какая диверсификация логистики? Через год, когда Кольке был наконец поставлен правильный диагноз – целиакия, – Андрей уже полностью взял дело в свои руки, все меньше делился со мной новостями.

Однажды в компании друзей он похвастался, что идея бизнеса пришла ему в голову в аэропорту Гамбурга...

– Не тебе, а мне, – поправила я его уже в супружеской постели перед сном.

– Какая разница? – спросил он, засыпая.

И правда, какая? Мы ведь семья. Мне бы гордиться мужем. Ведь брак – командный спорт, где у каждого, так сказать, есть свой фронт работ. Я же сама не захотела брать няню детям. И если поначалу меня еще терзали сомнения в правильности выбора, то постепенно Андрей меня от них избавил. Он превозносил меня как идеальную мать. Хвастался моими кулинарными талантами, моим умением так составить расписание на день, чтобы дети всегда были вкусно накормлены, чисто одеты, развезены по кружкам, а уроки сделаны.

– А что, брат, это тоже – стратегическое планирование! – поднимал он с улыбкой палец за званным ужином (по центру стола горделиво высился мой гусь с яблоками).

– Не зря получала красный диплом, – сыронизировала я.

– Прошу тебя, – сказал он позже, я как раз смывала кос-

метилку с глаз после ухода гостей. – Не делай так больше. Это выглядит смешно.

Я не сразу поняла, о чем он?

И Андрей пояснил:

– Не стоит похвастаться твоим красным дипломом перед серьезными людьми. Все ведь понимают, как ты его получила.

– И как же? – Я еще была молода, еще хорохорилась.

Он ласково улыбнулся, чмокнул меня в затылок.

– Как все девушки в технических вузах. За красивые глаза.

Я помню, как застыла с размазанной вокруг моих красивых глаз тушью.

– Раньше ты говорил, что я умнее тебя.

Он усмехнулся:

– Я же любил тебя, дурочка! Ты что, не понимала, что твои завышенные оценки – это фикция? Все об этом знали.

Все, значит, знали. Все понимали. Любил – в прошедшем времени. Дурочка. Целый букет. Я не спала ночь, пытаюсь переварить в голове новую информацию. И решила: дурочка – ласкательное; любил – не говорит о том, что уже не любит; и с дипломом – да какая разница, если сейчас я и правда домохозяйка?

Разница была, – говорю себе я теперь. – Только ты отказывалась ее замечать. Тебе было тепло в своих иллюзиях, ты не хотела идти на конфликт. «Иллюзии являются реально-

стью – ведь мы за них расплачиваемся», – как писал мой любимый Станислав Ежи Лец. Вот ты и расплатилась. Та самая разница разверзлась перед тобой, как пропасть.

А ты ухнула вниз, как сраная Алиса в Стране чудес.

27 сентября

Я то и дело открываю бессмысленное теперь приложение. Что-то вроде заученного невроза – он удалил меня из системы, поменял пароль, а я продолжаю заходить, чтобы уткнуться носом в виртуально закрытую дверь. Как легко он убил последнюю связку между нами! Обесточил, окончательно отлучил от дома. **Моего** дома, черт возьми! Ненавижу!

Я швырнула стакан в уродливую черную стену. И сама испугалась вспышки своей пьяной ярости. Пошаркала, покачиваясь, на кухню, взяла совок с веником – собрать стекло. После пройдусь пылесосом и тряпкой. Да так и застыла перед помойным ведром. Уронила совок и отправилась в комнату детей. Здесь лежал мой древний, когда-то отданный дочери, ноутбук. Катя уже давно променяла его на стильный Мак, его и взяла с собой в Швейцарию. А мой старичок все еще тут. Я туплю в пыльный экран, ожидая, пока тот загрузится.

У Андрея, еще в институте, имелся один грех – стремительность, если не сказать поверхностность. С возрастом прибавился второй – высокомерие. Пьяно икнув, я набрала

пароль: имя сына + его дата рождения. Папка с кодом оказалась там же, где и пять лет назад. *home_control.py*.

Терминал заполнился зелеными строками:

css

CopyEdit

Connecting to hub...

Token verified.

Devices online: 17

Сердце забилось чаще. Он сменил пароли, удалил меня из системы, но токен остался действительным – тот самый, что я когда-то сгенерировала через API и сохранила локально.

– Сам ты дурочка... – Я икнула, глядя на знакомый список устройств

Замок: входная дверь – locked, Датчик движения – активирован.

И снова – здравствуйте!

30 сентября

Я совершенно не хочу с ним разговаривать. И видеть его тоже не хочу. Возможно, это наконец произошло – выздоровление. Одна печаль – у меня появилась новая obsессия². Я хочу составить досье. Железобетонное, Карл! Каждый день я фиксирую происходящее в доме – любую мелочь. Я не хо-

² Obsессия (от лат. obsessio – «осада», «охватывание») – это навязчивая, непроизвольная мысль, образ или побуждение, которые возникают в сознании человека против его воли.

чу подставляться, выслеживая девочку Полину в кафе и на улицах города. Нет-нет! Я больше не больная на голову бывшая жена. Я просто цежу свое винцо и время от времени фотографирую экран: «электрик» приезжал еще несколько раз, когда ни домработницы, ни моего благоверного не было дома. Я отслеживаю все детали: вот спущены шторы в гостевой комнате – правильно, они все-таки стесняются совокупляться на том же белье в супружеской спальне. Повышенная влажность в ванной, как свидетельство душа пост-коитус. Я помечаю время.

И все-таки умудряюсь отыскать ФИО хозяина «БМВ» – Егоров Валерий, – и пробиваю его через поисковик. Шах и мат. Я молча сажу, уставившись на экран. Черт возьми, парень и правда оказывается электриком. Более того, трудится в аварийно-диспетчерской службе (АДС) Курортного района. При желании его легко вызвать по телефону, указанному на сайте Аварийки.ру.

Я опустошена и привычно вынимаю из винного шкафа еще одну бутылку. Ты действительно бредишь. Бред усугубляется винными парами. Вспомни, как поначалу ласково-обеспокоенно, а потом все более раздраженно смотрел на тебя твой муж.

«Лиза, ты на самом деле забыла, что мы с тобой собирались сегодня в кино?»

«Лиза, у нас гости через час, ты что, не помнишь?!»

«Лиза, да в конце концов, сосредоточься! Я сто раз гово-

рил тебе про мою командировку в Поволжье».

Он оборачивался к детям и разводил руками: у нашей мамы, как всегда, ветер в голове! Но ничего! Сейчас мы быстро: посмотрим, что там дают сегодня в кинотеатре, поможем ей приготовить что-то на скорую руку, я сам соберу чемодан, спасибо.

И еще: я вечно что-то обещала, но не помнила об этом. Он вздыхал, цитировал французскую поговорку: «Обещания обязывают лишь тех, кому даются». Хуже всего, что дети тоже постепенно переняли эту его манеру общения с «нашей мамой» и привычно закатывали глаза: «Мам, ты же обещала отпустить меня к Даше с ночевкой...», «Мам, ты же обещала купить мне лего с Гарри Поттером...».

Я напоминала себе гложущего человека, который по обрывкам услышанных фраз и по выражению лица собеседника пытается уразуметь суть беседы, но вечно попадает впросак. И постепенно перестала задавать вопросы. Просто лишний раз извинялась за очередную ошибку. Вот и тут – любовник оказался действительно электриком... Прости, Полина, что плохо о тебе думала. Прости, милый. Я вечно брежу. А ты, как всегда, прав.

5 октября

И все же не могу тут не вспомнить, как однажды я попала в точку. Замечу – любое взаимодействие с себе подобными подразумевает текст и подтекст, поверхностный уро-

вень и поглубже. Случается, мы считываем лишь первый слой. Букет цветов, очередная тяжеловесная драгоценность ар-деко в подарок – все это может быть просто жестом любящего мужа (**текст**). А может – попыткой заткнуть свою совесть (**подтекст**). Существует также безрадостный **контекст**, включающий в себя долгий, еще со студенческих лет брак, и усталость от жены, превратившейся в отупевшую домашнюю клушу.

В тот день он пригласил меня на ужин в дорогой ресторан. Еда была вкусной, музыка тихой. Это был идеальный момент, чтобы наконец поговорить по душам. Но Андрей так очевидно томился в паузах между подачей многочисленных блюд, что я была готова уйти до десерта. Однако боялась предложить – последнее время мы редко выходили куда бы то ни было вместе, и Андрей мог смертельно обидеться на мою неблагодарность. Ха, обидеться!

...Идеальная семья, крепкий брак. Как на самом деле пугающа наша готовность отказаться от реальности. Ради того, чтобы продолжать пребывать в иллюзиях, мы, истекая кровью, без устали боремся с правдой жизни. Но иногда борьба истощает тебя настолько, что проще принять наконец реальность. Ту самую правду.

– У тебя есть любовница? – спросила я, когда вышколенный гарсон выставил перед нами контрастный щербет из трав и белого трюфеля.

Андрей поднял бровь, и я уже приготовилась к очередной

отповеди на тему моих болезненных фантазий... как он сказал:

– Да.

– Ты хочешь со мной развестись? – прошептала я, сама пораженная собственными инсайтами.

И он повторил:

– Да.

И добавил:

– Как можно скорее.

10 октября

Дорогой дневник! У меня – прогресс! После позора с электриком я уже пять дней как не заходила в домашнюю учетную запись. Из аддикций – только вино, пирожные и сериалы! Ну не молодец ли я? Однако сегодня случился срыв, и я на всякий случай зафиксирую его здесь, вдруг я опять в делирии?

Итак, в учетных записях Дома новость: в них появился еще один пользователь – **root_ghost**. Добавлен в систему позавчера около полудня. Кроме того: нагреватель **Heater-Delta22** теперь работает только в ночные часы. Пока ничего не понимаю. Да и понимать особо не хочу. Забавно только показалось, что ghost – призрак. Как и я сама – призрак старой хозяйки дома.

Выходит, мы с неизвестным в некотором роде коллеги.

11 октября

Сегодня написала владелица дачи, спрашивает, не хочу ли я продлить аренду? Я не хочу. Пора съездить забрать вещи. Позвонить наконец детям. Я слишком редко нахожу в себе силы даже просто взять трубку, когда они звонят. Невыносимо слышать жалость в их голосе. Несчастливая брошенная мама. Новостей у нее нет. И, похоже, уже не будет. Бедные мои зайки! Они ни в чем не виноваты. Им просто не повезло с родительницей. Родительнице и самой уже хочется убраться из этой жизни, но она пока не знает, как это сделать, чтобы никого не затруднить.

...Почему-то вспомнилось, как я упрашивала Андрея купить домик на море, где-нибудь в Черногории. Вместо этого он приобрел участок земли у озера. Получается, тогда я тоже была не права – дом стал моим счастьем. К этому моменту Андрей уже настолько отстранился от семьи, что дал мне карт-бланш на работу с архитектором и строителями. Благодаря дому я вспомнила, чему меня учили в институте. Вновь почувствовала себя живой, на что-то способной.

Пока меня не прикончили уже окончательно – в том дорогом ресторане.

12 октября

И все-таки творится что-то странное. Обогреватель в ванной комнате активизируется каждую ночь. Датчики СО и температуры повышаются ночью до опасных уровней, но венти-

ляция почему-то не включается. Не похоже на сбой. Скорее, на чье-то сознательное вмешательство. Вряд ли это сделал Андрей – он даже не знает, как сбросить фильтр на датчике СО. Да и зачем бы ему это понадобилось? Я вообще не понимаю, кому это может понадобиться?

Или у меня опять паранойя и попытка технического анализа просто прикрывает желание быть нужной? Найти предлог, чтобы набрать номер телефона, который я помню наизусть...

Нет, только не это! На всякий случай все фиксирую.

13 октября

Я тут подумала – а что мне мешает, подъехав за вещами на дачу, заодно и глянуть, что все-таки происходит? Так сказать, «ее прощальный поклон»? Сказано – сделано. По пустой дороге я доехала до дачки, а оттуда уже пешком по знакомому маршруту – сосновый лесок, обход по корням стены вокруг поселка – до моего бывшего жилища.

Всю прошлую неделю дул сильный ветер – кусты совсем облетели. Стоит Полине выглянуть из окна – и она заметит меня, позорно скорчившуюся на пенке. Я проверяю учетную запись: судя по ней, Поля и Андрей разъехались каждый в свой офис. И потихоньку выпрямляюсь – из австралопитека превращаюсь в *Homo erectus*, набираюсь смелости выйти на газон перед окнами.

Шаг, еще один. Дом гипнотизирует. Я всматриваюсь в

него, а он – в меня. И наконец прислоняюсь лбом к ледяному стеклу. Поставив ладони с двух сторон лица, я вижу пространство внутри – брошенный на софе любимый шерстяной плед, одинокую чашку на островке барной стойки на кухне... Горло сжимается. Я хочу попасть внутрь. Хочу сложить плед, убрать чашку в посудомойку. Хочу свою жизнь обратно. Возможно, входная дверь еще настроена на автоматическое распознавание устройства моего мобильного и откроется сама, как при «домашнем возвращении»? Я обхожу дом, вынимаю телефон. Посмотрим, подумал ли об этой опции Андрей. Сим-сим, откройся. Щелчок. Конечно, не подумал.

И я вхожу. О, запах моего дома, отраженный от близкой воды рассеянный свет, блаженная тишина. Главное – не расплакаться и не позабыть, зачем я сюда пришла. Сначала – дело. А потом, обещаю я себе, ты пройдешь и попрощаешься с ним как положено. Теперь уж – навсегда. Я привычно снимаю обувь и иду на кухню, стараясь не отвлекаться на изменения в ней. Нет моих вышитых кухонных полотенец, зато появилась сверкающая хромом кофемашина. Наверное, Полина не представляет своего утра без чашечки крепкого эспresso. Возможно, эта чашечка даже подается ей в постель...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.